

Юрий Николаевич Арабов

ПРИБЛИЖЕНИЕ К РАЮ
Сценарий к фильму “Телец”

ebooks@prospekt.org

Приближение к раю

Чей-то крик разбудил меня ночью, и я пошел на него.

Сначала ничего не было видно. Несколько слоев облаков, как листья капусты, обволакивали землю сплошным глухим покровом. Между “листьями” кипела вода, и пространство внизу напоминало болото, — ступишь, думая, что кочка, но провалишься вниз в холодную вязкую вату. Не нащупав тверди, будешь опускаться все ниже и ниже, без надежды на спасение, без опоры и без сил, чтобы закричать.

Но после молнии, короткой, как крик, передо мною в одно мгновение возникла земля. Огромная, с придвинутыми к глазам подробностями, так что я видел каждую отдельную травинку, прижатую вниз массой дождя, каждый случайный камень, любой ноздреватый корень, вырывающийся из почвы, словно застывшая змея.

Круглая поляна. На ней — двухэтажный дом с белыми колоннами, который здесь называли Большим. Напротив него, поменьше, — Северный флигель. Песчаные дорожки. Темный парк, переходящий в лес...

Я заметил, что в нескольких окнах на втором

этаже Большого дома горит тусклый свет. И вместе с ветром ворвался через форточку в одну из комнат. Человек, находившийся там, вздрогнул. Был он довольно высок, в военной косоворотке без знаков отличий, перетянутой в талии кожаным ремнем. Ежик седых волос на голове делали его похожим на волка. Коротко подстриженные усы. Кисти рук широкие, приспособленные держаться за плуг или поднимать молот в кузне...

Подошел к окну и закрыл форточку. Пламя в камине вздрогнуло от сквозняка. На небольшом деревянном столе, обитом зеленым сукном, лежала груда писем. Хозяин комнаты распечатывал часть из них, быстро пробежал глазами и швырял в огонь. Иные даже не раскрывал совсем, а бросал прямо в конвертах... Вот он надорвал одно из них. Склонился над серой грубой бумагой, вникая в смысл. Я заглянул ему через плечо и обнаружил в письме печатные буквы, старательно обведенные по несколько раз фиолетовыми чернилами. Услышал, как человек бормочет под нос, читая: "Уважаемый вождь угнетенного класса!"

Нужно быть последним скотом, чтобы сделать с Россией то, что сделал ты со своим каганатом. Что, думаешь, все сойдет тебе с рук, ничем не аукнется? Нет, милый. Аукнется и очень скоро. И умоешься ты своей собственной кровью, как все

умываются пятый год по твоей людоедской милости...”

Человек прервал чтение. Помял губами, как бы повторяя про себя прочитанное. Вдруг поднял большой палец вверх и показал его зеркалу, висевшему напротив. Аккуратно сложил письмо и сунул в нагрудный карман косоворотки. Пустой конверт бросил в огонь. Вслед за ним полетели в камин все другие письма. И пламя вздрогнуло, словно подавилось.

Я поглядел на стену, стараясь раздвинуть зрение так, чтобы увидеть то, что происходит за ней. Фактура обоев с желтыми цветочками вскипела и вспенилась, как кусок мыла. Под бумагой я увидел кладку стены. Кирпичи сделались туманными, как нечистое закопченное стекло. Передо мною возникло пространство смежной комнаты. Там стояла женщина в ночной рубашке. Приложив ухо к стене, слушала, затаив дыхание, что происходит в соседней комнате, но не в той, где находился я, а в противоположной.

Заинтересовавшись, я миновал первую стену, протиснувшись и раздвинув камень. Женщина была одутловатой с седыми жирными волосами, забранными на затылке гребнем. Она внимательно следила за шорохами и скрипами дома, но гроза поглощала все остальные звуки, и создавалось впечатление, что сам дом молчит,

будто боится обнаружить свое присутствие перед разбушевавшейся стихией.

В углу комнаты на кровати я увидел еще одну женщину, примерно одного возраста с первой. Она лежала в чепце и, не мигая, смотрела в потолок. Спросила у подруги: — Ты долго еще будешь стоять? Ты мне мешаешь, я спать не могу!..

Та, к которой обращались, вздрогнула. Присела на свою кровать, что находилась в противоположном углу. Вгляделась в маленькую фотографию на туалетном столике. На ней был изображен мощный седобородый старик в крестьянской рубахе. Он смотрел в упор пронзительным глазом, заложив правую руку за веревочку, которой была подпоясана рубаха. Этот старик сделал в своей жизни много и написал много, поэтому имел право так пронзительно смотреть. Женщина, встретившись с его взыскующим глазом, покачала слегка головой, как бы оправдываясь в чем-то. На это старик вытащил руку из-под пояска и спрятал ее за спину.

Но мое внимание привлек не он, а то, что происходит в следующей комнате. Я увидел санитаря, дремавшего в глубоком кресле. Ширма перед ним мигала от света керосиновой лампы. Я напряг зрение, внутри ширмы проступило

темное пространство, похожее на клубок шерсти. И здесь, в спутанной шерстяной темноте, я с трудом разглядел кровать, поначалу не увидев на ней спящего. Только куча подушек, компресс на лбу, полотенце на глазах, чтоб не мешал керосиновый свет...

Я склонился над спящим, различил толстые ноздри, которые жадно раздувались, забирая в себя воздух, кусочек рыжего уса над губой и больше ничего, — одеяло было натянуто до подбородка.

Я взгляделся внимательнее. Сквозь компресс, полотенце и подушки проступила оболочка черепа, под ним, — пылающие оранжевые полушария, как очертания континентов на географической карте. Их огибали русла рек, по которым вместо воды текла светящаяся кровь.

Мне стало интересно, что видит спящий во сне. Полушария мозга вплотную приблизились к моим глазам, я пересек их и ушел в тревожную глубину...

Какой-то казенный полутемный коридор, лишенный цвета, бесконечно длинный. Гул неопределенных голосов. Шаркающие сапоги по тусклому паркету. Много сапог. И голоса. Непонятно, что говорят.

Мне стало страшно.

Показалось, что спящий в своем тягучем неопределенном сне испытывает точно такую же тягучую неопределенную тоску. Чтобы скрасить его болезненный бред, я решил напомнить ему музыку, которую он любил, Бетховена, сонату, опус 13 си минор “Pathetique”.

Первые же негромкие аккорды вытеснили невнятные голоса, призраки в коридоре растворились, да и сам коридор в его сне начал бледнеть, исчезать перед тусклыми лучами света...

Я стоял у его изголовья. Из-под прикрытых век спящего текли слезы.

За окном был густой белый туман. Руки санитары вытерли полотенцем слезы. Больной в упор смотрел на него, а, может быть, сквозь него.

— Как вы себя чувствуете?

— Дайте, пожалуйста, пить.

Санитар поднес стакан воды. Лежащий сделал несколько крупных глотков. Санитар хотел вытереть ему рот полотенцем, но больной отвел

его руку.

— Чувствую себя весьма гаденько... Что гроза?

— Прошла.

— А телефон? Загнил и лопнул?..

Санитар взял в руки трубку громоздкого аппарата, висевшего на стене. Послушал и в замешательстве пожал плечами.

— Что ж... Коли гроза прошла, значит сегодня пойдем на охоту.

Санитар улыбнулся, разделяя оптимизм больного. Вынул из тумбочки градусник и протянул лежащему на кровати.

Я стоял рядом. Я видел, как санитар вышел из спальни и по лестнице спустился на первый этаж.

Больной молчал. Я весь обратился в слух, и до меня дошли его мысли, шуршащие, как волна, когда она бьет по крупной прибрежной гальке: — Какая это музыка меня огрела во сне? Бетховен. Кажется, соната номер тринадцать. Да, она самая. В раннем детстве в звуке дождя мне всегда слышалось музицирование. Это чувство было реальным, меня охватывала щенячья радость... Под крышей дома стояла большая бочка и

шумела, когда лил дождь. Я спросил у матери: “Кто это поет, мама?” “Это ангелы поют, Володенька! Но их слышать могут лишь дети”... Гхм. Старушка была до смешного сентиментальна. Она не хотела знать, что гроза это всего лишь конденсация влаги и разряды статического электричества. Точнее, знала, но не верила. Вот-вот. В этом и есть основные условия задачи. Дано: конденсация воды и статические разряды. Что получается? Сильная гроза. И никаких ангелов. Если бы старушка уяснила столь простейший вывод, то истина ее бы освободила. Она бы не молилась перед сном Богу, а молилась бы электричеству. И это целесообразней. Еще неизвестно, поможет ли Бог или нет. А электричество заставит работать динамо-машину

Больной хмыкнул и покачал головой, как бы сам с собой соглашаясь.

— Интересно, разумно ли электричество? Думаю, что отчасти. Оно подчиняется инженерам, а подчинение есть признак разумности... Видишь, куда нас занесло... Ведь это уже немцы. К немцам сдуло. На перинку к Гегелю и прочим шпенглерятам, под душное прусское одеяло... Вот-вот. Тожество действительности и разумности. Подчинение как главный признак сознания. Кому об этом скажешь? Да никому. Даже товарищам по

партии. В объективном идеализме обвинят, по стене размажут. Правда, товарищи тоже... Курам на смех, а не товарищи. От таких товарищей хочется лаять. А если записочку им послать, вполне короткую, с заглавием "Товарищам от Старика"? Например: "Всею душою я пришел к выводу, что электричество разумно, а вы нет. С электричеством можно иметь дело, а с вами нет". Что тогда будет? Посадят в палату номер шесть, цацкаться не будут. Точно посадят. Уже посадили...

Здесь мысли больного прервались и стихли. А, может быть, я не услышал продолжения. Он вынул из-под мышки градусник, напялил на нос очки, которые лежали на туалетном столике. Столбик ртути показывал "37 и 2". Пробормотал под нос: — Нельзя. Огреют и съедят.

Стряхнул градусник и снова поставил его под мышку.

Меня заинтересовало то, что происходит вне этой комнаты.

Я увидел, что санитар, спустившись на крыльцо, жадно затягивается папиросой, кашляет и смеется от удовольствия. Я понял, что целую ночь ему пришлось не курить, он очень страдал от этого и теперь наверстывает упущенное.

К нему подошел высокий человек в пенсне и что-то спросил. Санитар спрятал в руках предательскую папиросу и начал быстро объяснять. До меня донеслось: — ...ночь прошла спокойно... Сильная потливость... Патологической тревоги не замечено...

— Вы весь дымитесь, — меланхолично сказал человек в пенсне, вошел в дом и начал подниматься по лестнице.

Подойдя к комнате, в которой находились мы, он поглядел на себя в зеркало, висевшее в прихожей. Оттянул собственные веки, рассматривая роговицы глаз. Цокнул в сомнении языком, потому что остался недоволен роговицами. Тихонько постучался к нам и, не дожидаясь разрешения, вошел.

— С добрым утром, господин вождь, — обратился он по-немецки к больному.

— С добрым утром, господин эскулап, — откликнулся также по-немецки больной.

Пришедший склонился над кроватью.

— У вас круги под глазами, — с раздражением заметил он, — Вы что, заболели?

— Я не только заболел, господин эскулап, но,

кажется, вот-вот умру, — сообщил больной.

— Чепуха. С точки зрения метафизики смерть является недоказанным фактом...

Доктор взял кувшин с водой, стоявший на столике, и ополоснул руки над тазом.

Посмотрев на градусник, добавил:

— 36 и 5... Ну да. Я и говорю. Притворяетесь.

Пощупал пульс. Приказал:

— Встаньте.

Почти насильно поднял больного и поставил на ноги.

— Закройте глаза и дотроньтесь указательным пальцем до кончика носа!..

Больной попытался сделать то, что его просили, Указательный палец проплыл мимо и ткнулся в правый глаз.

— Что? — нервно спросил профессор, — Нос исчез?

— Дело дрянь... Не взыщите. Не получается.

— У всех получается, а у вас не получается?!.

Пациент внимательно взгляделся в лицо врача. Пенсне увеличивали зрачки глаз, он весь был похож на рака. Цвет лица нездоровый, серый...

— А вы-то сами можете дотронуться до своего носа? — с подозрением спросил больной.

— А то нет, — огрызнулся профессор, — Конечно могу.

— Тогда покажите, как это делают здоровые люди.

Доктор хмыкнул. Сосредоточился. Закрыв глаза. Правая рука, трясась и прыгая, поплыла к носу. Ткнулась в стекла пенсне.

— Ну вот. Я так и думал.

— Я вам скажу по большому секрету, господин вождь — оправдываясь, сообщил профессор, — У вас отнимается правая часть, а у меня немеет левая. А по вечерам так кружится голова, что хоть криком кричи.

— Ну и что мы с вами будем делать? — спросил больной, садясь на кровать.

— Будем пытаться существовать вопреки здравому смыслу.

— К чему все мучения если нет надежды?.. — и он в упор посмотрел на своего врача.

Тот промолчал.

— Надежда есть всегда, — заметил я.

Заметил, сказал больному. Но тот меня не услышал. Меня услышал профессор.

— Надежда есть всегда, — повторил вслед за мной на немецком.

— Оставьте это гаденькое слово, — махнул левой рукой пациент, — Вы даже диагноз не можете поставить, а говорите о какой-то надежде!

Серая кожа профессора сделалась алой. Кусками сделалась. Пятнами. Теперь он был вылитый рак.

— Почему не могу? Очень даже могу. У вас моторная и сенсорная афазия. И больше ничего.

— Афазия... А что такое афазия? Если у меня афазия, то что у вас?

— У меня? У меня просто так... Тоска.

— Вот именно тоска, — повторил со значением больной, — А тоска, знаете отчего? От

точного знания того, что произойдет. Мне еще в девятнадцатом году один крестьянин сказал. Без всякой вашей моторной афазии: “Ты, дедушка, помрешь от кондрашки. Потому что у тебя шея больно короткая”.

Профессор развел руками.

— А скажите, тяжело, наверное, умирать от кондрашки?

— Чепуха. Безделица... Вы даже не поймете, что у вас кондрашка.

— Но мысль, мысль... Будет ли мысль, когда полная неподвижность и беспомощность?

— Чего, чего, а мысль будет. В учебнике описан такой случай, — начал рассказывать профессор, — У одного мещанина заболела голова. Он пришел на прием к врачу, и тот обнаружил в голове торчащий гвоздь. В доме мещанина, оказывается, начался ремонт... Пришлось оперировать.

— Ну и долго он жил после этого?

— Нет. Сразу умер.

— Как так?

— Очень просто. Штука заключалась в том, что несчастный мог жить лишь с гвоздем в голове. Но когда гвоздь вытащили, выяснилось, что жить больше нельзя.

— Да. Это очень по-русски. Гвоздь в голове как условие бытия... — задумчиво кивнул больной.

— А можно вообще жить без мозга, — не унимался профессор, сев на своего любимого конька, — Бывает, что при вскрытии под черепной коробкой оказывается слизь... Но вам это, конечно же, не грозит, — спохватился он, — Вы ведь интеллектуальный атлет. Ваш мозг, наверное развит, как мускулы. О, как бы я хотел увидеть ваш мозг!..

— А у вас есть стамеска?

— У меня есть пила.

— Успокойтесь. Не долго вам ждать осталось.

— Вы выздоровеете. Выздоровеете! — как заклинание, пробормотал эскулап и распластал руки над плешивой головой больного.

— Сроки?..

— На днях. Месяца два-три... Не больше.

— Сердечно признателен. А точнее нельзя?

— Точнее... Точнее... Точнее вот что! — наконец-то нашел ответ профессор, — Вы выздоровеете, когда сможете умножить 17 на 22!..

Больной с удивлением посмотрел на своего собеседника.

— Да, да... Именно так. 17 на 22... — профессор повернулся и пошел к двери, — И выздоровление. Полное, бесповоротное выздоровление...

Дверь за ним закрылась. Ноги зашаркали по коридору.

Я заметил, что с другой стороны стены человек в военной гимнастерке, который сжигал накануне письма в камине, стоит, приложив к кирпичам специальную слуховую трубку. По-видимому, он прослушивал весь разговор.

А больной тем временем левой рукой попытался написать что-то на листке бумаги. Я заинтересовался тем, что он пишет: $17 \times 22 = \dots$

И дальше стоял жирный вопросительный знак.

17422= ?

Профессор поглядел на себя в зеркало. Снова оттянул веки. И я услышал его шуршащие мысли:

— Боже праведный, что я несу? Словно черт за язык дергает! Как вижу его, так теряю над собою контроль! И почему он говорит со мной по-немецки? Он что, забыл, что я знаю русский?! Значит, забыл. Ничего не помнит, а по-немецки говорит! Что это такое? Волнообразный характер афазии, вот что это такое! Волнообразный характер всей клинической картины! Но что сей симптом означает? А означает это, мой милый, что тебя скоро расстреляют. Сначала ты лишишься заработка, а потом уже расстреляют. Как только он умрет. Даже раньше. А может он не умрет вообще? Будет жить вечно? Иногда, говорят, подобное случается. Тогда не расстреляют. Тогда, может быть, поразят в правах и сошлют... Ах, как скверно! Все скверно... Все!

— Валентин Викентьевич!.. — услышал он голос за спиной.

Вздрогнул, резко обернулся... Позади стояла одутловатая женщина с жирными волосами и просительно смотрела на него.

— Волна миновала, — сообщил профессор, — И сегодня ему можно выйти на улицу.

А про себя подумал:

— Но если волна следует за волной, то будет и девятый вал!..

Мне сделалось интересно, что происходит вне дома.

Туман не проходил, более того, сделался как будто гуще. Санитар у подъезда прекратил свой блаженный перекур, теперь он жевал листочек мяты, чтобы уничтожить запах изо рта.

Мое зрение возвратилось в комнату к больному. Я услышал, как он заметил про себя:

— А моя Минога, наверное, плохо спала...

Вслух же спросил:

— Вы, мой друг, часом не захворали?.. Что-то у вас вид нездоровый. Дайте-ка свой лоб.

Жена покорно нагнулась. Больной дотронулся до ее лба своими губами и тут же быстро отпрянул. Поежился: — Холодный...

— Я делала для вас ночью выписки о телесных наказаниях в России, — бесстрастно сообщила

она, — А как отдыхали вы?

— Приемлемо. Сегодня пойдем на охоту.

— Также я нашла то, о чем вы давно меня просили... О последних часах Маркса...

Я ощутил при звуках этой фамилии некое дрожание в пространстве дома. Во-первых, человек за стеной, который слушал весь этот разговор через специальную трубку, встрепнулся, подался к кирпичам, как-то по-особенному сосредоточившись. Во-вторых, хозяин комнаты что-то запел себе под нос, кашлянул, будто пытаясь заглушить произнесенное имя.

— О Марксе после... — прошептал он и уже в полный голос спросил, — Так что там о порке?

Супруга с готовностью вытащила из потайного кармана платья небольшую тетрадочку, открыла и бесстрастно прочла: — “При усмирении бунта военных поселян 1831-го года удары плетями делались крест на крест, с правого плеча по ребрам под левый бок, и слева направо, а потом начинали бить вдоль и поперек спины... Во время самого дела палач, отсчитавши ударов 20 или 30, подходил к стоячему тут же на снегу полуштофу, наливал стакан водки, выпивал и опять принимался за работу. Когда наказанный